

ЧУЖИЕ БЕРЕГА

Действующие лица:

Он

Она

Берег моря.

Они.

Их разговор это не диалог т.к. они не слышат друг друга.

Они говорят одновременно, находясь в ста, ста пятидесяти метрах друг от друга.

Но дело вовсе не в расстоянии.

Он: *(закуривает, молча выкуривает сигарету в несколько затяжек, тушит в песке)*
Я уже сейчас, только с мыслями соберусь. Вот. Берег. Я тоже тут.

Сейчас разденусь и пойду в воду. Пойду, а что мне?

Все. Вот, снимаю кроссовки. Носки грязные. Да, не Брэд Питт. Куда уж. Холодно сегодня. Сейчас. Только немного согреюсь и пойду.

(Надевает кроссовки, закуривает)

Он: Вот покурю и пойду. Так вот в кроссовках и пойду. Все, если решился, значит – решился, значит так надо. И точка... и точка... точка, я сказал.

День позавчера хороший был, а сегодня дерьмо. Нет, не так. День позавчера хороший был, а сегодня дерьмо!.. Так лучше звучит...

(С удовлетворением тушит окурочек в песке, долго смотрит на море)

Он: Страшно. Мать твою, страшно ведь, а?

Она: Холодно. Что ему делать в такой холод на пляже? Тем более ты так легко одет, еще простудишься,... Я не хочу, чтобы ты болел. Милый, я хочу, чтобы у тебя все было хорошо. Прости меня. Так нужно. Для тебя нужно. То есть ради тебя.

Он кроссовки снял. Ну, он совсем сумасшедший, он что, задумал купаться в такой холод?.. И курит одну за другой. А обещал бросить. Нет, снова обулся. Молодец. Мой молодец.

Интересно, помнишь ли ты, что ты первое сказал, когда мы познакомились? Я хорошо помню, ты сказал: «Вы застыр... захра... это,.. застраховываете?». Прости, я смеялась. Ты был очень смешной. Очень обаятельный был. Только не решительный. Хотя нет, ты у меня самый решительный. Самый-самый. Мой. Я люблю тебя. Очень. Мой.

Он: Предательство. Динамо. Кидала. Почему ты не берешь трубку! Я что пацан? Ты объясни мне!.. Так, давай еще раз.

(Вынимает телефон, набирает номер)

Он: Гудки, гудки и эта музыка дурацкая,... давай, бери трубку... Давай же, давай либо я все!..

(Бросает телефон на песок)

Он: Да сколько можно? Кто, кто, какая сволочь придумала эту дурацкую музыку вместо звонка? Это же просто невыносимо! Я хочу дозвониться тебе, хочу, чтобы ты просто сняла трубку, хочу сказать тебе, как сильно я люблю тебя, потом встретиться обнять тебя и ругать, орать на тебя, что ты подлая, что ты бесчувственная, что я готов разорвать тебя на куски, но только от того, что я люблю тебя!

Ветрено.

Она: *(Достает из сумочки телефон)* Прости, я не могу поднять. Прости. Прости. Не могу. Так будет лучше. Для тебя, ради тебя, поверь, лучше. Прости. Прости. Прости. Прости. Все. Клади его в карман. Вот и хорошо. Опять куришь?.. Ты говорил, что без этого не можешь. Да, и тебе, наверное, так легче.

Прости. Забудь... Прости...

Он: Я люблю тебя. Я хочу сказать тебе это еще раз. Я хочу, чтобы ты услышала это еще раз. А ты... ты могла бы мне все сказать сразу, ну, не сразу, а на следующий день. Нет. Лучше было бы сразу. Сказала бы, что не любишь меня, или, что я не красив, или не в твоём вкусе, что мы не подходим друг другу, что ты не разобралась или не готова, да, все чтобы ты захотела, сказала бы... в лицо. Ведь это важно. Я бы увидел бы все по твоим глазам. Мне же больше и не надо. Но сказать тебе, что я люблю тебя я хочу еще раз, хочу, чтобы ты знала это...

Сказала б в лицо... или хотя бы по телефону. Но тебя нет. Нигде нет. Я ездил к тебе на работу, но ты взяла отпуск за свой счет, я ездил к тебе домой, но там никого нет, я ночевал у твоего подъезда, но тоже нет! Тебя нигде нет! Ты призрак. Видение... Это как какой-то сон, ты мне приснилась!

Она: Поверь, мне я с тобой.

Он: Ты думаешь, это все просто так... мимолетно. Как у бабочек однодневок – раз, и все! Нет, это больно... Чужая боль доставляет тебе радость? Гхм... Тебя можно спокойно ненавидеть...

Интересно у тебя это часто бывает... такая влюбленность?..

У меня нет. У меня этого никогда не было. У меня этого никогда не будет... Гамлет, блять...

(Закуривает)

Он: Я пришел в твое агентство застраховать машину. Страховка кончилась. А тут и техосмотр вроде как надо. Да еще, дурак какой-то, на красный перся, ну, и привет. В общем как всегда в нашей поганой жизни все накладывается друг на друга. Гаишники сказали, что по страховке получил бы хорошие деньги. А сами меня на эти деньги за отсутствие страховки и нагнули, и тут же мне и адресок вашей конторы дали. Договор у вас что ли?.. А какая мне разница... Вот и пришел. Вот и познакомились.

Она: Я люблю тебя. Не знаю за что. За то... за то... за то, что ты не такой как все, за то, что ты такой один. Не знаю какой, но один. И совсем не такой как остальные. Все, я знаю, ты... ты светишься! Изнутри. Ты смешной... нет, не смешной, а очень веселый. Ты еще мальчишка, совсем мальчишка. Ты можешь быть разным,... но только моим.

Ты помнишь, как ты меня дождался, тогда, после работы, когда я помогла тебе со страховкой? Я помню,... Ты стоял под проливным дождем, держа за пазухой кактус в

глиняном горшке. Капли дождя бежали по твоим волосам, бровям, одна струйка стекала прямо по кончику твоего носа.

Я: Что ты тут делаешь?

Ты: Решил полить вот этот кактус, перед тем как подарить его тебе. Пойдем?

Я: Куда?

Ты: Я бы хотел погреться...

Ты бы хотел погреться, а я уже хотела быть с тобой. Только с тобой.

Он: Да лучше б я вообще тебя не знал, ... что я говорю, прости. Нет, я рад, что узнал тебя... Узнал твою боль, то есть боль подаренную тобой.

Боль не должна так быстро приходить, если бы она пришла, когда бы мы с тобой пресытились друг другом, тогда да, но не сейчас. Ты, ты позвала боль!

Прости меня. Я знаю - ты меня слышишь, прости, но мне больно!

В день нашего знакомства я ждал тебя после работы, шел дождь, а рядом не было ни навеса, или остановки троллейбусов. Даже какого-нибудь задрюпаного кафе не было. И я ждал под дождем. Ты пришла. Спросила, что я тут делаю, а я нес какую-то околесицу, про кактус, который потом подарил тебе, и про то, что очень хочется погреться... но мне хотелось одного: быть рядом с тобой.

Она: Милый, ты открыл мне другую жизнь. Как бы я хотела сказать тебе это в лицо. Прости. Все мое время. У меня были мужчины, но они не такие, они... они... они в постоянной погоне за деньгами, они думают, что все можно купить, но ведь это не так. Ни любовь, ни здоровье, ни счастье не купишь. Я еще слишком плохо знаю тебя, но уверена что ты не такой. Почему ты не такой, мне бы было намного легче.

Я не говорила тебе, но сейчас, видя твою спину, могу сказать... в глаза бы не смогла. Я долгое время боялась отношений. Мой последний бой-френд, как это модно сейчас говорить, избил меня. Получил условно. Но каково мне? Я готова была убить его, я была бы рада смертной казни.

Он тоже любил меня. Он так говорил...

Он: Почему я натыкаюсь на одни и те же грабли? Это же не электронная рулетка, не игровой автомат по выбору любви. Одна изменяла мне, и когда я ее простил, продолжила дальше изменять. Другая, хотела прописки, и ключей от дверей моего дома. Третья вообще ничего не хотела, кроме ночной жизни, которую я ей и подарил.

А ведь я, хотел только покоя. Тихого дома. Теплой постели.

Я, наверное, слишком стар для тебя.

Она: Мальчик мой.

Он: Видимо, ты не готова к тихой семейной жизни.

Она: Я знаю чего ты хочешь. И я тоже хочу этого. Хочу ждать тебя с работы в теплых носках и свитере до колена. Выгуливать НАШУ собаку. Да, мы бы обязательно завели бы собаку! Большую, как ты. Добрую, как ты... с очень грустными глазами.

Все эти писатели и поэты, все эти люди, которые кричат, что чувствуют сильнее, чем мы, все они – ничто! Нет любви, во всех стихах мира, нет любви во всех романах, есть мы. Потому что мы есть, а они вымысел!

Ты подарил мне кактус. Я подарила тебе новые стельки для туфель. А в книгах... у них все совсем иначе. Они дарят друг другу розы, и дорогие часы на цепочке. Нет. Только кактус и стельки.

Он: Помнишь, как ты привела меня к себе домой? Как в хорошем кино. Я проводил тебя, ты предложила зайти на кофе. Мы целовались перед дверью, и кофе пили только с утра. Утром я зашел в ванну и увидел свои туфли у тебя на батарее. Я не знаю, как назвать это чувство. Но я знаю, что возникло у меня. Я ЕЩЕ БОЛЬШЕ Люблю тебя. И тогда я полностью убедился, что я нужен тебе. Шел примерно 17 час нашего знакомства. Я знал, что мы нужны друг другу.

Она: Сейчас мне кажется, что все должно было остаться на уровне нашего первого дня знакомства. Первой половины этого дня. Почему я решила помочь тебе с регистрацией всех этих бумаг, зачем я так долго водила тебя по коридорам из кабинета в кабинет, ведь этого совсем не нужно было делать. Я переспрашивала и уточняла по три раза каждую процедуру оформления. Я водила тебя из кабинета в кабинет, проставляя, заверяя и проставляя печати на бумагах, которые не имели к тебе никакого отношения, и вообще никакого отношения ни к чему не имели. Я была с тобой. Я ходила с тобой.

Помнишь кабинет с таким толстым дядькой внутри? Тебе вообще не нужно было в него заходить. Но я привела тебя туда. Прости. Прости, меня сейчас разбирает смех. Помнишь, как он смотрел на нас? Он думал, что ты племянник его друга. А ты удивлялся рукопожатиям, чашкам с кофе... он трепал тебя за щеку, а ты улыбался, но ничего не понимал.

Он: Я думал, что мы нужны друг другу. Я честно так думал. Просто все как-то сразу так навалилось. Ты, и эти коридоры и кабинеты, мерцающие лампы дневного света, люди с бэйджами, и люди без них, считающие себя кто ниже, а кто и выше этих бэйджей. И этот стандартный кабинет с каким-то жирным мужиком, в дорогом костюме, но с засаленными манжетами. И я помню твою улыбку.

Мы прошли несколько кабинетов, ты везде переспрашивала по несколько раз, проверяла печати, какие-то подписи, заглядывала в мои бумаги, и потом украдкой смотрела на меня. Потом привела в какой-то кабинет, видимо какого-то начальника, мы прошли через приемную, ты кинула секретарше фразу типа: «ОН, знает», она махнула головой и опять уставилась в несвежий «Космополитен». Мы вошли в кабинет, ты улыбнулась, сказала, что я от Антона Семеновича, а он вскочил, стал долго жать мне руку и краснеть. Он протирал лоб платком, предлагал мне курить, рассказывал о своей дочери. Я стеснялся, а ты улыбалась. Я все понял. Он поставил подпись, еще раз долго жал мне руку, и когда мы вышли из кабинета ты рассмеялась. Какой звонкий у тебя смех. Я тоже смеялся, но, наверное, не так красиво... ты слышишь - не так красиво!

Она: Ты ведь тогда все понял. И когда ты смеялся, я уже знала, что ты встретишь меня после работы. День в ожидании тебя... оказался минутой. Девчата из отдела улыбались и доставали меня расспросами. Я улыбалась вместе с ними. Мы улыбались всем отделом.

Последние минуты рабочего дня я считала по секундам. Я знала, что ты ждешь. Наша девичья разведка работает очень оперативно, тем более что в отделе из 14 сотрудниц 9 до 30 лет и 6 из них не замужем.

Я вылетела первой. Ты стоял метрах в трех от двери, весь мокрый, с тебя прямо текло, ты замерз, но ты был счастлив. Я прочла это по твоим глазам. Я знаю, ты соврал, что тебе холодно, в такие моменты не может быть холодно или жарко, и, конечно же, простила тебя.

Он: *(достаёт телефон, набирает номер)* Давай... опять эта музыка... да отключила бы ты его совсем. Зачем вообще придумали эту мобильную связь? Зачем это понятие?

Чтобы все было мобильно, вот так как у нас – три дня и все? А я не хочу мобильно, не хочу быстро...

(Долго курит, потом встает и выбрасывает телефон в море. Резко садится)

Он: Вот так будет лучше. Все! Рвем концы, жжем мосты, и вытираем слюни.

(Вскакивает, забегают по колени в море)

Он: Ну почему? Почему мне так пусто без тебя, почему так обидно? Почему из-за трех дней я должен так переживать? Почему ты пропала? Почему? Почему? Почему?

Она: Боже, что он делает? Стой. Стой! Стой!!!

(Он выходит из моря, садится на песок)

Он: Нет, я так не могу... Она бы никогда не захотела этого. Что со мной? Так надо взять себя в руки! Я взрослый человек, я имею нормальную работу, дом, родителей которые меня любят, воспоминания на фотографиях и большую коллекцию музыки. У меня собака и 24 рыбки, которые умрут без меня. Я люблю дартс, я люблю хорошее чешское пиво, я люблю эту жизнь. В детстве я собирал марки по одной копейке, по три копейки, по пять и десять копеек. Собирал блоки по 15 копеек. Собирал монгольские, вьетнамские, польские марки, у меня даже была одна австралийская за один австралийский доллар. Я хранил их, в большом альбоме обитом синим бархатом, и папа показывал его всем своим знакомым...

Ветрено.

(Он снимает куртку и закутывает ей свои ноги)

Она: Как ему плохо. Как же ему плохо из-за меня... Но ты же не мог влюбиться так сильно, ты взрослый человек. Ты должен быть расчетлив, рассудителен, умен. Ты не должен так поддаваться на судороги своего сердца. Ты же сам говорил, что много раз обжигался любовью. Слышишь, ты обжигался! Обжигался! Но не сейчас, не из-за меня, не из-за нас!

Все, хватит! Я уже не девочка! Плевать я на все хотела. У меня коллекция домашних цветов в вазонах, идеальный порядок, ни одного выговора за семь последних лет работы и мама в двух ста тридцати километрах. Я звоню ей каждый день, а она, раз в месяц, передает мне поездом банки с домашними закатками огурцов и перца, я зову своих подруг, мы покупаем бутылку водки, закусываем их мамиными огурчиками и у меня все хорошо. Все хорошо... У меня рак...

(Она неподвижно сидит, потом начинает судорожно водить руками по песку)

Она: Мне нужна опора. Мне необходимо на кого-то опереться. Мне нужно выговориться. Мне нужно сказать все... мне очень нужно...

(Она падает на песок, долго смотрит в пасмурное небо, шаря руками по песку)

Она: Три дня. Всего лишь три дня. 72 часа любви и теперь 48 часов истязания. Почему сейчас? Я семь лет застраховываю людей жизни, страхую их собственность.

Почему моя жизнь не может являться моей собственностью? Почему я не могу распоряжаться ею?..

Любимый, у меня рак. Я сдала анализы. Вчера пришел ответ.

Он: Я хочу понять, почему ты так со мной поступаешь?!

Она: Мы не должны быть вместе... Я не должна быть с тобой.

Он: Если бы только сказала... Сказала бы, что виноват я...

Она: Прости, виновата только я, не кари себя...

Он: Может быть, ты подумала, что я напускал тебе пыли в глаза? Что я не такой, каким кажусь?.. Но ведь это только стремление понравиться тебе. Ресторан. Помнишь, мы пошли в ресторан?..

Она: Как я захлебывалась тобой в первый вечер...

Он: Я поставил на стол этот пресловутый кактус, который подарил тебе, официант зажег свечи. Мы ни чего не заказывали, взяли только глинтвейн и жареный сыр. Мы сидели на террасе, и официант принес нам два пледа.

Она: Я помню тебя закутанного в плед. Мне страшно нравилось, что ты не боишься выглядеть в моих глазах слабым – ты был самим собой. Мы пили глинтвейн. Я первый раз, если честно... вкус корицы... мне казалось, что это ты пахнешь корицей, а не глинтвейн. Мы сидели на террасе, и было видно море и небо... и они сливались... я море, а ты небо.

Ты много говорил в этот вечер. Я больше слушала. Ты рассказывал какие-то невероятные истории, мы много смеялись, я любила тебя, а ты заставлял меня делать это еще больше.

Он: Как же я хотел понравиться тебе. Я нес всякую чушь, а ты, наверное, просто поддерживала беседу, смеясь и кивая мне. Но я знал, что сейчас, именно в эту минуту мы вместе. То есть я знал, что ты со мной, а я уже давно был с тобой.

Я рассказывал тебе о строении звездных систем, и почему они отражаются в море, я знаю, что это полная ерунда, но ты слушала, ты была занята мной, а я тобой...

А потом пришел этот дурацкий мим. Ох, если бы в ту минуту пришел, хоть сам Карузо, я бы попытался его перепеть!

Она: Ты решил взять все под свой контроль. Ты гонял официанта за меню предлагая выбрать мне еще что-нибудь. Просил открыть окна террасы, чтобы вдыхать дыхание морских пучин, как ты выразился. Просил сделать музыку тише, потому что тебе не слышно, что говорят звезды обо мне, так как сегодня они шепчутся особенно тихо. И в этой своей напыщенности ты был прекрасен. И я знала из-за кого ты сегодня такой,... А потом пришел мим. Самый обыкновенный молодой мальчик, наверное, студент какого-нибудь театрального ВУЗа, и ты решил переиграть его! Ты делал все. Ой, я думала, что умру от смеха. Ты танцевал ламбаду, замирал на несколько минут в каких-то невероятных позах, копировал его жесты, походку, мимику. Уже капельки пота бежали по его нагримированному лицу, а ты все не останавливался, ты дарил ему воображаемые надувные шары, парил его невидимым банным веником, заставлял его пить воображаемый глинтвейн вместе со мной. Я смеялась. Я так очень давно не смеялась.

Он: А мим этот дурацкий меня достал. Я думал, что он никогда не уйдет. Я выкручивался, как мог, просто, как пацан!

Но ты смеялась, и это было главным.

Интересно, а ты заметила, как я волновался? Что я хотел понравиться тебе? Или это нормально? Да, это нормально, ты ведь тоже хотела мне понравиться... ну, я так думаю.

(Закуривает, долго смотрит на море)

Он: А может быть, мы, просто оказались на разных берегах?.. Точнее всегда были на разных берегах... берегах жизни я имею в виду. Может быть, мы даже не должны были с тобой встретиться, ну, не предписано это нам судьбой. А мы как-то встретились. Может быть, мы, поэтому так быстро и расстались? Представляешь, мы живем с тобою на разных берегах этого моря и никогда, слышишь, никогда не должны были бы встретиться. И вот на моем берегу очень жаркое солнце, и оно печет так сильно, что даже за ветвями деревьев от него не укрыться, потому что палит она прямо в сердце. И выжигает последние крупинки любви, любой любви. Я делаю плот, отталкиваюсь от берега и плыву по течению – туда, куда меня занесет это море, море под названием... Хм...

Она: Теперь я знаю – мы не должны были с тобой встретиться. И если нашей жизнью кто-то управляет, то это подло с его стороны. Это подло! Для чего люди ищут друг друга, долго разбираясь в характере и привычках своего спутника, почему они так долго и тщательно всматриваются друг другу в глаза, почему они впиваются друг другу в ладони, чтобы услышать именно то тепло, которое им нужно? Неужели только для того чтобы расстаться, или чтобы их разлучила смерть. Ведь люди не умирают в один день – это бывает только в сказках. И даже умирая, они приносят другим только горе и скорбь.

Мне хочется никогда не расставаться с тобой. Хочется жить, да мне хочется жить! Я молода и имею на это права, я никого не убила, ни ограбила или обманула, так почему я не могу жить?

Он: На этом плоту я обязательно выдержу все штормы и бури, я вытерплю любую жажду и выдержу любой зной только для того, чтобы это море выбросило мой плот на твой берег. И когда я изнеможенный буду лежать на песке лицом вниз, я буду знать, что руки, которые пытаются приподнять мне голову - твои. И я хочу, чтобы ты сразу знала, что это я.

Почти так и получилось. Меня выбросило на твой берег, и ты приподняла мою голову своими руками, и кажется, что приняла меня. Но через три дня, пока я спал, ты уходишь в море на моем плоту, забрав с собой частичку меня...

Почему я не услышал как ты уходила? Почему я не слышал, как ты собиралась, ведь я видел не мытую кофейную чашку в раковине и крошки на столе? Почему я не проснулся в то утро? Я бы заглянул тебе в глаза, я бы все увидел...

Она: Вчера я долго сидела у тебя на кровати перед тем как уйти на работу. Смотрела на тебя. Я не чувствовала никакой тревоги. Я знала, что после работы мы встретимся, что ты обещал отвезти меня в какое-то удивительное место. Я знала, что в обед съезжу, заберу анализы и расскажу тебе, что я здорова, а самое главное счастлива и что это счастье даришь мне ты. А сегодня я наблюдаю за тобой из окон такси или прячась за ларьками или дешевыми кафешками. Дорогой, я должна уйти именно так, ты не должен ничего знать. Прости. Прости... Прости! Мне надоело повторять это слово!!! Я ненавижу его! Кто попросит прощения у меня? Кто?...

Он: Море и ветер. Сила, побороть которую невозможно. Я люблю тебя... с силой моря и ветра, я хочу быть морем и ветром...

(Он вскакивает, бежит к кромке воды и начинает ногами пинать накатывающие на берег волны)

Он: Сила моря! Плевать я хотел! Сила! Плевать! И ветер. И на ветер плевать! На все плевать. Бежать. Забыть. Бежать! Сила моря и ветра! Любовь и есть сила моря и ветра! Плевать! Бежать! Забыть! Любовь – сила моря! Любовь – сила ветра! Моя моря, а твоя ветра и вместе нас не победить! Но нет! Нет тебя. А сила моря, без силы ветра это только сила моря, это уже не любовь, это что-то забитое. Это что-то загнанное, скукоженое, маленькое, обиженное и страшное, вяло бьющееся о берег. А самое страшное, что оно действительно обижено. И теперь ему очень страшно. И хочется ему сейчас чтобы сила ветра пришла к нему, пришла на его берег, на берег на котором ему очень одиноко и холодно. И тогда бы сила моря вновь стала силой моря. И тогда бы сила моря и сила ветра кружились в одном бешеном танце, и не было бы тех, кто смог бы остановить этот танец.

Она: Что он делает?... Я тоже злюсь, мне тоже плохо от того что я не могу быть с тобой рядом, но миленький мой, надо держаться, я прошу тебя.

Успокойся, прошу тебя. Что ты кричишь... Сила моря... Сила ветра... Слабость... успокойся... Какой танец... милый, успокойся...

Ты лучше вспомни, вспомни, как нам было хорошо вдвоем, как мы гуляли, смеялись, целовались прямо на виду у прохожих. Вспомни, я прошу тебя, успокойся, сядь...

(Он кружится на песке, потом резко в изнеможении падает)

Он: Все. Устал. Ждать. Нить. Просить. Устал.

3-17-2-2-2. Это код твоего домофона. 8 этаж. Потом налево по коридору, деревянная дверь. Звонок не работает. За дверью обои в светлых тонах, мягкие тапочки и запах кофе.

Мы сидим на кухне и пьем кофе. Ты любишь мармелад и овсяное печенье. Я люблю кофе, и смотреть в твои глаза. Мы взрослые люди, мы прекрасно понимаем, что будет дальше, ты немного смущаешься, а меня трясет. Не знаю почему, но меня трясет. Я волнуюсь. Мы взрослые люди и мы прекрасно понимаем, что будет дальше. Ты согласна. А меня трясет. Я боюсь обнять тебя... я почему-то не думал, что все произойдет так быстро. Мне нужно успокоиться и поэтому я постоянно повторяю про себя что мы взрослые люди...

И тут гаснет свет. Мы выглядываем в окно – света нет во всем районе. Меня начинает трясти еще больше.

Она: Вот. Молодец. Посиди, тебе нужно успокоиться... как тогда у меня дома.

Помнишь, как мы пришли ко мне после ресторана? У меня были только женские тапочки, в которые ты с трудом влез. Я сварила кофе. Достала мармелад, который держу только для Ленки, и овсяное печенье. Мы сидели друг напротив друга и тихо пили кофе. Все твое фанфаронство куда-то пропало, ты был застенчив и от того серьезен. Я понимала, что происходит с тобой, я видела, что я для тебя не очередная цель, и ты очень дорожишь мною и немного боишься. Я тоже боялась. Но все получилось как-то само

собой. Во всем районе отключили свет, я зажгла свечи, ты стоял, прислонившись к подоконнику, долго смотрел мне в глаза...

Он: Огонь свечей отражаясь, играл у тебя в глазах.

Она: За твоей спиной качались деревья.

Он: Свечи освещали левую сторону твоей шеи и подбородок, оставляя правую сторону в тени.

Она: Ты взял меня за руку.

Он: Я взял тебя за руку... или ты меня... я не помню, сейчас для меня это все как во сне. Мы взяли друг друга за руки. Я чувствовал твою дрожь, а ты мою. Наши руки потянулись к плечам, мы обнялись.

Она: Ты поцеловал меня.

Он: Мы поцеловались.

Она: Медленно.

Он: Очень медленно.

Она: Каждой клеточкой ощущая дрожь наших тел. И вдруг зажгли свет. Ты немного отстранился от меня. В твоих глазах был какой-то детский испуг.

Он: А потом неожиданно зажгли свет, и ты дернулась от меня, и в твоих глазах я увидел какой-то испуг. Я притянул тебя к себе и еще раз поцеловал.

Она: Я и сама была немного растеряна. Но нас притянуло друг к другу еще раз. Одной рукой я искала выключатель на стене, а второй сжимала твое плечо. Ты дрожал. Я дрожала. Мы ничего не могли с этим поделать. Нам ничего не нужно было с этим делать. Мы взрослые люди... мы кое-что уже увидели в этой жизни... мы знали, что мы наги друг перед другом, и что мы можем выглядеть слабыми...

Он: Утром ты вела себя так, как будто мы знакомы с тобой уже много лет. Я, кажется, не говорил тебе, что всегда люблю еще немного поваляться, но ты не будила меня.

Ты думала, что я спал, пока ты готовила завтрак. А я слушал твои мягкие шаги. И... Ты пела... Да, ты тихонько напевала какой-то мотив, и я представлял себе, как ты улыбаешься в этот момент. Потом ты села на край кровати и долго смотрела на меня. Я чувствовал, как твой взгляд медленно плывет по моему лицу, шее, по моим плечам, потом так же медленно возвращается ко мне на лицо, и ты улыбаешься...

Она: На следующий день ты повел меня в парк. Ребячество. Я бы с удовольствием провела этот день с тобой под одеялом, просматривая какие-нибудь дурацкие комедии. Ты уже стал для меня домашним. Но ты настоял, что погода сегодня только для прогулок, а сидеть целый день у телевизора мы будем в старости.

Мы приехали в парк. Клен разбросал по тротуару листья всех оттенков, ты собрал из них букет и подарил его мне. Ты опять был воодушевлен. Постоянно шутил, громко

смеялся, и я смеялась вместе с тобой. Ты хотел прокатить меня на всех аттракционах, мой мальчик, я люблю тебя и за твое ребячество, и я каталась, каталась вместе с тобой, постоянно глядя тебе в глаза, в которых было счастье.

Он: Я тысячу лет не водил никого на свидание. Я уже забыл как это делается. Первое что пришло мне на ум это парк. Ну да, а куда же еще, все всегда ходят в парк, там много развлечений, там всегда весело и красиво. Но пока мы ехали, я сто раз проклял себя за это решение – это же как-то по-детски, я веду себя как мальчишка, нужно было ехать... действительно, а куда нужно было ехать?... Как мало дано нам в этом выборе, и правы те, кто водит своих любимых на крыши многоэтажек, на какие-то огромные мосты либо в маленькие улочки, где они неторопливо гуляют. А все эти парки и театры – это скучно. Я бы отвез ее на гонки, но сам был без машины, повел бы на хоккей, я уверен, что она, ни разу не была на стадионе, но не было матчей, могли бы поехать в бильярд или боулинг,... но нет, все-таки парк, есть парк – классика всегда остается в моде.

Она: Ты затащил меня в тир. Работник тира сразу оживился, ведь когда парень с девушкой приходят в тир, значит, парень будет показывать ей свое умение, проще говоря, кидать понты, а это всегда весело, когда подвыпивший паренек шепчет: «щас, щас, щас», в очередной раз, не попадая в утенка. Но ты привел в тир меня, а сам и не думал стрелять. Обнимал меня, целясь по мишеням за меня. Работник тира тут же приуныл, вяло похлебывая пиво из-под стойки. Конечно же, в первый раз мы ничего не выбили.

Он: Аттракцион за аттракционом я водил тебя по парку. Мы ели сладкую вату, я собирал для тебя букет из опавших листьев, мы бродили без усталости. В тире я выбил бутылку шампанского, и потом мы долго сидели на лавочке в глубине парка, и пили его. Ты прижималась ко мне, я видел, что ты немного замерзла. Но ты не хотела никуда идти, и только все сильнее и сильнее прижималась к моему плечу. Потом, чтобы согреться, мы играли в догонялки, раскидывая повсюду охапки листьев, я догнал тебя, мы повалились на землю и долго целовались.

Она: Ты выиграл шампанское в тире. Мы пили его прямо из горла, оно пенилось и выливалось. Мы смеялись, мне было немного холодно, но я не хотела никуда уходить, мне было хорошо на одинокой лавочке в парке вместе с тобой и этим шампанским. Я прижималась к твоему плечу и чувствовала, что просидела бы так всю жизнь. Потом мы стали греться, бегая друг за другом... потом мы целовались лежа на земле. Я уверена что все, хотя бы раз целовались лежа на земле и тут совсем неважно трава, листья или снег. Нет, это просто целоваться лежа на земле. Забыть обо всем и целоваться.

Он: Потом мы опять долго гуляли по парку и слышали музыку. Мы дошли до танцплощадки, там все светилось лампочками, и играл духовой оркестр.

Она: Музыка привела нас к небольшой группе стариков. Как же это было удивительно. Играл духовой оркестр, а они танцевали. Старенькие бабушки и дедушки в своих поношенных плащах и пальто медленно кружились под звуки вальса. Это непередаваемые ощущения. Ты помнишь их лица? Они были нежны и ласковы. Они смотрели друг другу в глаза, почти все молчали и только некоторые немного улыбались. Где-то блестели от фонарей их ордена, мужчины хоть и передвигались медленно, но пытались держать осанку, а женщины, хоть и потеряли свой былой шарм, но все равно были очень грациозны. Их тепло передавалось и нам, глядя на них, мне стало теплее. Я обняла тебя крепко-крепко. А ты...

(Звучит музыка, Она легко вальсирует)

Он: На танцплощадке были старички. Они танцевали. Они как будто вернулись из моего детства, это было так неожиданно. Ты смотрела на них, а они медленно кружились, я видел твой восторг, твою радость, я поставил тебя себе на туплю и начал медленно кружиться вместе с ними.

(Он встает, медленно кружиться в такт музыке)

Она: В тот вечер мы поехали к тебе.

Он: В тот вечер мы поехали ко мне.

Она: Кофе варил ты.

Он: Я пытался сварить кофе но...

Он: Он убежал, залил всю плиту и поэтому мы пили вино.

Он: Ты сидела на диване, поджав ноги, а я в кресле. Кажется, я поставил Led Zeppelin, или что-то в этом духе, пластинка кружилась, мягкий свет лампы наполовину заполнял комнату, и мы мирно сидели, напоминая старичков из парка. Мы были парой прошедшей в этой жизни очень многое и очень хорошо знающей друг друга.

Она: На следующий день, пока я спала, ты поехал в магазин, купил там попкорна, каких-то мягких тянучек, какой-то газировки, набрал в прокате каких-то фильмов о любви, с артистами которых я не знала и мы весь день провели дома.

Он: Следующий день мы провели у меня. Вчера ты хотела остаться дома, и поэтому я решил, что последний выходной надо провести под пледом. Набрал в магазине всякой ерунды и американских фильмов 40-50 годов, мы залезли под плед, смотрели кино, обкидывались попкорном, и целовались.

Ты уснула у меня на груди, и я почти всю ночь пролежал неподвижно. Уснул под утро, а когда проснулся... тебя уже не было...

Она: Я не хотела тебя будить.

Он: Почему ты не разбудила меня?

Она: Я поцеловала тебя в щеку, а ты как-то неразборчиво ответил мне и опять уснул.

Он: Ты, кажется, поцеловала меня в щеку на прощание... неужели это был прощальный поцелуй?!... Я проснулся утром, а тебя нет. Я спокойно встал, не торопясь принял душ и позавтракал. Вечером я хотел отвезти тебя за город, на холм, с него открывается весь наш город... ночной город... он так красив, я хотел показать тебе его. Я забрал машину из ремонта и подумал, что мы могли бы пообедать вместе, набрал твой номер, но ты не подняла. Ты больше не подняла.

Я приехал к тебе на работу, а мне сказали, что ты взяла отпуск за свой счет. Подними трубку. Я умоляю тебя – подними трубку!

3-17-2-2 код домофона. 8 этаж. Потом налево по коридору, деревянная дверь. Звонок не работает. Звонок не работает, а за дверью обои в светлых тонах, мягкие тапочки и запах кофе. Открой! Я прождал тебя несколько часов, приехал к себе, но не мог успокоиться. Что за жестокие шутки. Нет. Опять к тебе. 3-17-2-2. 8 этаж. Потом налево по коридору, деревянная дверь. Звонок не работает. Звонок не работает, а за дверью обои в светлых тонах, мягкие тапочки и запах кофе. Открой! Открой, слышишь?

Она: Я растерялась. Этого не могло быть. Что мне теперь делать? Анализы, проклятые анализы... это семейное, что скажет врач, я не могу спросить его не о чем, у меня не поворачивается язык, что, что со мной, скажите, это лечится? Почему поздно? Сколько у меня ост... ост... осталось?

Запах нашатыря. Нет, нет, все хорошо, простите, мне надо ехать. Да, я постараюсь, завтра же, завтра. Что мне делать?... Все, берем себя в руки. Ноги подкашиваются. Кто там звонит... Господи, прости, я сейчас не могу говорить с тобой... я позвоню сама, дай мне только немного оправиться... нет. Ты ничего не должен знать. Ничего, ты не должен мучиться вместе со мной, я не должна разбивать тебе жизнь...

Алло, Константин Георгиевич, мне необходим отпуск за свой счет. Да, я понимаю, но я сегодня... но мне сегодня нужно срочно уехать к маме... Мне нужно уехать. Тогда просто увольняйте меня... Да я понимаю. Нет, я вам сообщу. Спасибо.

Он: Я сидел у твоей двери вслушиваясь в каждый шорох в подъезде. Я знал, что тебя нет дома, но куда я мог пойти? Что делать мне? Я был беспомощен.

Она: Я приехала домой. Стала в оцепенении у зеркала и стояла до тех пор, пока в дверь не постучали. Это был ты. Я знала.

Я медленно прошла в спальню и с головой зарылась под одеяло.

Прошу тебя, прекрати стучать. Прошу тебя, пожалуйста. Уходи, забудь, оставь. Прекрати стучать!!! Прекрати!!!

Он: Куда мне обратиться, кому звонить, куда идти? Что могло произойти с тобой? Может быть что-то с мамой, но почему ты не поднимешь трубку? Почему не расскажешь мне, быть может, я чем-то помогу? По крайней мере, я был бы с тобой, тебе было бы легче. Почему ты не отвечаешь?

Это я виноват? Я наскучил тебе? Может быть, ты наигралась? Ты наигралась! Да, я был эскортом для твоих выходных, а завтра ты позвонишь мне и скажешь, что мы не подходим друг другу! Именно так! Сволочь, бездушная сволочь... прости, прости... Где ты?! Где?! Подними трубку!!! Скажи все, пусть все закончится, подними трубку!!!

Все... спокойно... спокойно... надо остыть.

(Он встает, спокойно снимает с себя кроссовки и, не раздеваясь, бежит в море)

Она: Господи, что ты делаешь? Любимый, не надо, прости меня, прости!!!

(Она вскакивает и бежит к морю, он ныряет)

Она: Любимый, любимый мой...

(Она падает на колени у самой кромки воды, плачет, он выныривает, выходит из моря, вода стекает по его лицу и поэтому нам не видно плачет он или нет. Он медленно подходит к ней, садится перед ней на колени. Они долго смотрят друг другу в глаза. Ветер усиливается, заставляя волны биться о берег все сильнее и сильнее)

Конец.

Сентябрь - Ноябрь 2009 г.

Дмитрий Богославский

Беларусь, инд. 220079,

Минск, Ул., Бирюзова д. 25, к. 15.

anashikumar@rambler.ru

моб. тел: +375295727919 гор: +375172040746